

Деятельность МККК в Индостане после раздела Индии (1947–1949 гг.)

Катрин Рей-Ширр¹

Введение

Раздел и беспорядки в Пенджабе

В 1945 г., по окончании Второй мировой войны, британское правительство недвусмысленно выразило свое намерение предоставить Индии независимость.

С этого времени конфликт между англичанами и индийскими националистами отступает на второй план, тогда как антагонизм между индусами и мусульманами усугубляется. Первые, выступавшие под знаменем партии Индийский национальный конгресс, возглавляемой Джавахарлалом Неру, желали сохранить единство Индии, создав правительство, которое включало бы в себя представителей обеих общин. Вторые под эгидой Мусульманской лиги, во главе которой стоял Мухаммед Али Джинна, требовали создания отдельного мусульманского государства Пакистан. Эта проблема осложнялась тем, что в Британской Индии места проживания индусов, которых было около 300 миллионов, сикхов — 6 миллионов и 100 миллионов мусульман географически не были четко отделены друг от друга, особенно в Пенджабе и Бенгалии, где население было смешанным.

В 1946 г. кровавые столкновения между индусами и мусульманами происходят в Бенгалии и провинции Бихар. Хотя это были отдельные стычки, существовала опасность того, что они распространятся по всей стране.

Столкнувшись с двумя позициями, которые представлялись непримиримыми, британское правительство ускорило процесс предоставления независимости Индии. В феврале 1947 г. оно назначило лорда Маунтбеттена вице-королем Индии. После переговоров с руководством Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги, продолжавшихся несколько недель, лорд Маунт-

¹ Катрин Рей-Ширр, лицензиат политологии, является сотрудником МККК, занимается историческими исследованиями. В настоящее время она участвует в составлении истории МККК за 1945–1955 гг.

Статья написана на французском языке.

беттен пришел к выводу о невозможности сохранения независимого и единого индийского государства. Перед лицом угрозы гражданской и межконфессиональной войны он счел, что решить вопрос следовало путем выработки соглашения о плане раздела страны, которое было одобрено руководством обеих сторон 2 июня 1947 г. Британский план был опубликован на следующий день. Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига официально приняли его в первой половине июня: Конгресс наконец согласился на раздел Индии, а Лига примирилась с разделом территории Пенджаба и Бенгалии.

18 июля 1947 г. британский парламент проголосовал за Закон о независимости Индии (*Indian Independence Bill*). Были созданы два независимых государства — Индия, образованная из провинций, где большинство населения составляли индусы, и Пакистан, в который вошли провинции, населенные в основном мусульманами. Оба они получили статус *доминионов* в составе британского Содружества. Провинции Бенгалия и Пенджаб также должны были быть разделены между двумя будущими государствами.

Процесс завершился, и 15 августа 1947 г. была провозглашена независимость.

В течение нескольких месяцев после этого на севере Индостана, особенно в Пенджабе, где трагические события начались еще до предоставления независимости, происходили беспорядки, характеризовавшиеся чрезвычайной жестокостью и насилием. Через Пенджаб была проведена новая граница, в результате чего 5 миллионов сикхов и индусов оказались в Пакистане, а 5 миллионов мусульман — на территории Индии. Это порождало настоящую резню и массовую эмиграцию населения. По обеим сторонам границы общины, составлявшие большинство населения, уничтожали своих соседей, оказавшихся в меньшинстве. Охваченные страхом люди спасались бегством — заполняя целые поезда, пускаясь в путь на повозках или пешком. Колонны беженцев подвергались жесточайшим нападениям. Тысячи, даже десятки тысяч девушек, женщин и детей были похищены. Сотни тысяч людей погибли¹, число беженцев достигло 10 миллионов в течение нескольких месяцев, в силу чего перед новыми правительствами Индии и Пакистана встали колоссальные проблемы в плане оказания помощи и возвращения беженцев к нормальной жизни².

С конца 1947 г. к ним прибавятся кашмирские беженцы³, а затем, в 1950 г., миллион человек сменили местожительство в Бенгалии.

В результате раздела места постоянного проживания в конечном итоге покинули приблизительно 17 миллионов человек.

¹ По разным оценкам — от 225 тысяч до 2 миллионов человек.

² Во время наиболее острой стадии развития этих событий оба государства пользовались поддержкой нескольких местных организаций помощи, а именно: Пакистанского и Индийского обществ Красного Креста, «Сент-Джон Эмбьюленс Ассошиэйшн», Всеиндийской конференции женщин и «Френдз сервис юнит». В Индии под председательством леди Маунтбеттен был создан координирующий орган — Объединенный совет помощи и благотворительности, в который вошло большинство добровольных организаций, а также представители правительства. Но на международном уровне никаких значительных акций по оказанию помощи не проводилось.

³ См. ниже, *Кашмир*.

Кашмир

При предоставлении независимости возникла необходимость решить еще один вопрос — каков будет статус приблизительно 600 княжеств, которые, наряду с провинциями, управлявшимися непосредственно из Нью-Дели, находились под властью Великобритании, однако пользовались внутренней автономией. К 15 августа 1947 г., при активном участии лорда Маунтбеттена, который хотел, чтобы все они полностью отказались от каких бы то ни было притязаний на независимость, почти все эти княжества присоединились либо к Индии, либо к Пакистану, в зависимости от своего географического положения и состава населения.

Из трех княжеств, не принявших решения к тому времени, проблемы возникли в двух — Кашмире и Хайдарабаде.

В Кашмире князь (магараджа) был индусом, а три четверти из 4 миллионов его подданных — мусульманами. Магараджа занимал уклончивую позицию на протяжении всего лета 1947 г., надеясь получить особый статус.

Но когда известия о погромах в Пенджабе достигли Кашмира, беспорядки охватили Джамму — южную часть княжества, где проживало много индусов. Множество мусульман было вырезано. В августе вспыхнуло восстание в округе Пунч среди крестьян и мусульман, служивших в войсках магараджи. Восстание положило начало движению «Азад Кашмир» («Свободный Кашмир»), получившему затем поддержку Пакистана. Напряжение продолжало нарастать вплоть до вторжения в Кашмир 22 октября 1947 г. пуштунских воинов из Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, пришедших на помощь своим единоверцам. Это привело к большим разрушениям, сопровождавшимся массовыми убийствами, грабежами, изнасилованиями и похищениями.

Когда захватчики угрожали столице Кашмира Сринагару, магараджа бежал в Индию и обратился с просьбой направить ему на помощь индийские войска. Лорд Маунтбеттен — в то время генерал-губернатор независимой Индии — согласился, поставив при этом условие, что магараджа подпишет письмо о присоединении к Индии. Магараджа сделал это 26 октября 1947 г. с оговоркой, что письмо должно быть одобрено народом Кашмира, после того как в стране будут восстановлены мир и порядок. Индийские вооруженные силы 27 октября вступили в бой у Сринагара и освободили большую часть Кашмирской долины.

Вооруженная борьба продолжалась весь 1948 г. и повлекла за собой смерть множества гражданских лиц, а также новые массовые перемещения населения. Два миллиона человек — половина населения Кашмира — бежали в горы, где многие умерли от голода и усталости при переходе через перевалы, покрытые снегом. Беженцы двигались двумя потоками: мусульмане на юго-запад, они переходили границу с Пакистаном и останавливались вдоль трассы Лахор — Аток или южнее, на юге западного Пенджаба; индусы и сикхи шли в противоположном направлении — на восток и юго-восток княжества Джамму и Кашмир, лишь немногие из них искали убежища в других регионах Индии.

В январе 1948 г. решением вопроса занялся Совет Безопасности ООН, к которому с такой просьбой обратились обе стороны — Индия и Пакистан, взаим-

но обвинявшие друг друга в захвате и незаконной оккупации Кашмира. Была создана Комиссия ООН по Индии и Пакистану (ЮНСИП), которой поручили провести расследование фактов и выступить в качестве посредника между двумя сторонами. В августе 1948 г. ЮНСИП предложила последним резолюцию, в которой им рекомендовалось заключить соглашение о прекращении огня и перемирии. Соглашение вступило в силу 1 января 1949 г. Оно было закреплено двусторонним соглашением об установлении демаркационной линии, подписанным Индией и Пакистаном в Карачи 27 июля того же года. Под контролем Индии оказались две трети Кашмира, а именно, на юге — большая часть провинции Джамму, а также Кашмирская долина — наиболее плодородная местность, а на востоке — южная часть Балтистана и Ладакх. Пакистан же получил контроль над узкой полосой земли, которая тянется с запада от города Джамму до Музаффарабада — собственно «Азад Кашмир» — и распространил свое управление на горные районы севера и северо-востока, то есть на территорию Гилгита и Балтистана.

Прекращение огня, произведенное под наблюдением ООН, привело к фактическому разделению Кашмира.

Хайдарабад

Расположенное в середине полуострова Индостан княжество Хайдарабад находилось под властью мусульманского князя (низам), хотя значительное большинство населения там составляли индусы. Как и кашмирский магараджа, низам отказался сделать выбор между Индией и Пакистаном в надежде сохранить независимость. Вспыхнули крестьянские бунты, разжигаемые коммунистами. Опасаясь, что беспорядки распространятся на другие регионы Индии, вооруженные силы индийского правительства 13 сентября 1948 г. заняли Хайдарабад, за четверо суток преодолели сопротивление войск низама, а затем включили княжество в состав Индийского союза.

МККК и конфликт в Кашмире

В то время когда в Пенджабе вспыхнули беспорядки, МККК, закрывший в феврале 1947 г. свою делегацию, которая работала в Британской Индии в годы Второй мировой войны, не был представлен на месте событий. Тяжелое положение беженцев привлекло внимание Комитета¹, и в конце 1947 г. он принял решение направить туда д-ра Отто Венгера для сбора информации. Д-р Венгер был делегатом в Британской Индии с 1943 г. по 1947 г. и неоднократно посещал там лагеря германских и итальянских военнопленных и интернированных гражданских лиц, так что он уже был знаком с этим регионом.

¹ Письма в МККК от 29 августа, 29 и 30 сентября 1947 г. из его делегации в Лондоне (Архивы МККК, дело G 3/3b). Протокол беседы от 31 октября 1947 г. между МККК и д-ром Ахмадом, первым секретарем Высокого комиссара Пакистана в Лондоне (Архивы МККК, дело G 85). Протокол беседы от 12 декабря 1947 г. между МККК и д-ром П. М. Крулом, представителем Индии в ВОЗ (Архивы МККК, дело G 3/37 с).

Первая миссия д-ра Венгера

Когда д-р Венгер покидал в декабре 1947 г. Женеву, он получил указания установить контакт с новыми правительствами и обществами Красного Креста Индии и Пакистана¹, выяснить, в чем конкретно заключаются потребности жертв, выступить с предложениями относительно того, какие действия следует предпринять².

Желая поддержать общества Красного Креста Индии и Пакистана, МККК намеревался с их согласия обратиться с призывом ко всем национальным обществам Красного Креста и Красного Полумесяца направить помощь для беженцев³. Никто, по всей видимости, не ожидал, что, едва приехав на место, делегат МККК будет вынужден посвятить свое время и силы деятельности, связанной с конфликтом в Кашмире. Как только д-р Венгер прибыл в Нью-Дели, к нему обратились с просьбой выступить в качестве нейтрального посредника, чтобы обеспечить эвакуацию нескольких тысяч гражданских лиц немусульманского вероисповедания (индусов и сикхов), которые не могли покинуть «Азад Кашмир»⁴.

Чтобы разобраться в обстановке на месте и установить необходимые контакты, делегат совершил целый ряд поездок, отправляясь из Нью-Дели в княжество Дхамму и Кашмир, «Азад Кашмир» и Пакистан. Это было нелегким делом: во-первых, ездить приходилось по высокогорному району, где случаются снегопады и в некоторые места можно добраться только на мулах или пешком, во-вторых, делегат подвергался опасности нападения индийской авиации⁵.

К концу февраля 1948 г. усилия д-ра Венгера привели к следующим результатам⁶:

- Пакистанский Красный Крест немедленно направил грузы помощи, а «Христианская ассоциация помощи» (*Christian Relief Association*) — медицинский персонал в лагерь Алибег. Делегат МККК посетил этот лагерь, расположенный в «Азад Кашмире», недалеко от границы с Пакистаном. В Алибеге находилось 1600 немусульман, которые жили в ужасных условиях.

¹ Следует отметить, что Индийский Красный Крест существовал как независимое национальное общество с 28 февраля 1929 г. (дата его признания МККК), когда сложилась новая ситуация для обществ Красного Креста *доминионов* в связи с принятием статута Британской империи 1926 г. Но лишь с провозглашением независимости Индии в 1947 г. руководящие посты, ранее занимаемые англичанами, были предоставлены индийцам.

Пакистанский Красный Крест был основан сразу же после создания независимого государства Пакистан и получил признание МККК 21 июля 1948 г. В 1974 г. он сменил эмблему и принял название «Пакистанское общество Красного Полумесяца» по решению пакистанских властей, которые приняли красный полумесяц и в качестве знака медицинской службы своих вооруженных сил. Это решение было доведено пакистанским правительством до сведения государств — участников Женевских конвенций.

Оба этих национальных общества оказывали помощь жертвам беспорядков, вспыхнувших после раздела Индии.

² Служебные распоряжения д-ру Отто Венгеру от 19 декабря 1947 г. (Архивы МККК, дело G 3/37с).

³ Письма МККК от 17 декабря 1947 г. лорду Маунтбеттену и г-ну М. А. Джинна, генерал-губернаторам Индии и Пакистана, соответственно (Архивы МККК, дело G 85).

⁴ Письмо д-ра Венгера № 2 от 11 февраля 1948 г. (Архивы МККК, дело G 3/37с).

⁵ *Ibid.*

⁶ Письмо д-ра Венгера № 6 от 27 февраля 1948 г. (Архивы МККК, дело G 3/37с).

- Пакистан согласился обеспечить эвакуацию через свою территорию всех не имевших возможности покинуть «Азад Кашмир» немусульман, которые желали выехать в Индию, и взял на себя обязательство снабжать с этого времени продуктами питания те лагеря, где условия жизни были наиболее трудными.
- «Азад Кашмир» согласился отпустить всех немусульман, которые хотели покинуть его территорию.

Это соглашение касалось приблизительно 5 тысяч гражданских лиц, часть которых была на свободе, а часть — интернирована. 2500 из них находились в Музаффарабаде, 1600 — в Алибеге, 125 — в Гобиндпуре и 700–800 — в Багхе.

Д-р Венгер воспользовался своими контактами с различными сторонами в конфликте, чтобы привлечь их внимание к необходимости применять Женевские конвенции¹. Он провел переговоры с руководством «Азад Кашмира», изложив основы и принципы Женевских конвенций. Его собеседники выразили готовность применять Конвенции при условии взаимности. После некоторых колебаний — Индия не считала, что она находится в состоянии войны с Кашмиром — индийское правительство также подтвердило свою решимость действовать в соответствии с духом Конвенций и применять их соответствующие положения. Однако относительно обращения с военнопленными оно указало, что граждане Джамму и Кашмира, а также Индии, совершившие нарушения до их взятия в плен, подлежат судебному преследованию в соответствии с действующими законами. Эта оговорка, по сути, была направлена против лиц, вступивших в вооруженные силы «Азад Кашмира», которые рассматривались Индией как мятежники, поскольку княжество Джамму и Кашмир присоединилось к Индийскому Союзу².

Эти заявления, впоследствии подтвержденные письменно³, нашли свое конкретное воплощение в создании справочных бюро, в передаче списков военнопленных и в разрешении МККК посещать их⁴. Было также заключено соглашение, обеспечивавшее переписку между пленными и их семьями, а также отправку посылок помощи. В нем участвовали индийское и пакистанское общества Красного Креста, с которыми д-р Венгер поддерживал регулярные контакты⁵.

В ходе выполнения своей миссии д-р Венгер провел первые посещения пленных — в «Азад Кашмире» он побывал в музаффарабадской тюрьме, где встретился с 34 военнопленными, принадлежавшими к вооруженным силам

¹ Речь тогда шла о Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и о Женевской конвенции об обращении с военнопленными, принятых 27 июля 1929 г. Как государства — правопреемники Британской Индии Индия и Пакистан были обязаны соблюдать обе Конвенции, ратифицированные Великобританией 23 июня 1931 г. Пакистан, кроме того, особо присоединился к Конвенциям 2 февраля 1948 г.

² Письмо д-ра Венгера № 46 от 25 мая 1948 г. и Приложение IV к нему: письмо от 19 мая 1948 г. индийского министра обороны д-ру Венгеру (Архивы МККК, дело G 3/37с).

³ *Ibid*, и письмо от 16 июня 1948 г. президента «Азад Кашмира» д-ру Венгеру (Архивы МККК, дело CR186/655).

⁴ Письмо д-ра Венгера № 8 от 11 марта 1948 г. (Архивы МККК, дело G 3/37с).

⁵ Письмо д-ра Венгера № 38 от 25 апреля 1948 г. и приложение к нему: письмо д-ра Венгера от 24 апреля 1948 г. генеральному секретарю Индийского Красного Креста Сардару Бахадуру Балванту Сингху Пури (Архивы МККК, дело G 3/37с).

княжества Джамму и Кашмир, 3 индийскими военнопленными и приблизительно 30 политическими заключенными¹, а в Джамму и Кашмире он посетил тюрьму города Джамму, где содержалось около 30 военнопленных из вооруженных сил «Азад Кашмира»², и наконец, благодаря содействию пакистанского правительства, он смог вылететь в Гилгит, на север Кашмира, где в тюрьме находились около 50 индийских комбатантов³.

Узнав, что из-за недостатка медицинских материалов и подготовленного персонала многие раненые из состава вооруженных сил «Азад Кашмира» остались без надлежащей медицинской помощи, д-р Венгер обратился по этому поводу к властям «Азад Кашмира», а также к Красному Кресту и властям Пакистана, после чего пакистанское правительство разрешило действовавшему в Западном Пенджабе отделению Красного Креста Пакистана направить две группы медицинских работников на территорию «Азад Кашмира»⁴, которые расположились одна в Мирпуре, а другая — в Паландри.

По просьбе Пакистанского Красного Креста д-р Венгер сообщил индийскому правительству о присутствии там этих двух групп⁵. Впоследствии в «Азад Кашмире» были размещены еще три госпиталя Пакистанского общества Красного Креста, о чем, в связи с отсутствием делегата МККК⁶, оно сообщило индийскому правительству через Красный Крест Индии.

В Кашмире, так же, как и в Пенджабе, тысячи женщин и детей, принадлежавших к обеим сторонам, оказались похищены, особенно в начале войны. Но, хотя между Индией и Пакистаном было заключено соглашение о возвращении похищенных, находившихся на территории этих стран, усилия по решению проблемы наталкивались на серьезные препятствия в связи со спорным статусом Кашмира. К д-ру Венгеру обратились с просьбой выступить в роли посредника и в данном случае. В результате была разработана процедура, в соответствии с которой стороны обязались активизировать розыск, собрать обнаруженных женщин и детей в Индии и Пакистане в лагеря, где бы они ожидали возвращения, составить списки и обменяться ими в целях обнаружения семей похищенных и установления контакта с этими семьями, предоставить совершеннолетним женщинам право самим решать, желают ли они вернуться к родственникам⁷. Предусматривалось также, что лагеря могут посещать представители правительства противника, а при необходимости МККК может оказать помощь.

Поглощенный своей деятельностью в качестве нейтрального посредника в кашмирском конфликте, д-р Венгер не мог заниматься общей проблемой бе-

¹ Письма д-ра Венгера № 8 от 11 марта 1948 г. и № 60 от 8 июня 1948 г. (Архивы МККК, дело G 3/37с).

² Письмо д-ра Венгера № 33 от 24 апреля 1948 г. (Архивы МККК, дело G 3/37с).

³ Письмо д-ра Венгера № 45 от 20 мая 1948 г. и телеграмма от 19 июня 1948 г. от д-ра Венгера в МККК (Архивы МККК, дело G 3/37с).

⁴ Письмо д-ра Венгера № 14 от 12 марта 1948 г. в МККК (Архивы МККК, дело G 3/37с).

⁵ Письмо д-ра Венгера в МККК № 23 от 9 апреля 1948 г. и 8 приложений к нему (Архивы МККК, дело G 3/37с).

⁶ С конца июня по ноябрь 1948 г., то есть после возвращения д-ра Венгера в Женеву и до начала второй миссии, делегата МККК в регионе не было.

⁷ Письма д-ра Венгера № 9 от 11 марта 1948 г., № 20 от 19 марта 1948 г. и № 57 от 6 июня 1948 г. (Архивы МККК, дело G 3/37с).

женцев в той мере, в какой он того желал. Однако он побывал в ряде лагерей в Индии и Пакистане, в частности в Джамму и Кашмире, привлекал внимание властей и национальных обществ к наиболее острым вопросам и помогал им советами относительно организации лагерей. Наконец он собирал все данные, которые можно было использовать как основание для обращения, и передавал их МККК. Вот выводы, к которым он пришел:

1. «Проблема беженцев в Индии и Пакистане, несмотря на то, что оба правительства держат под контролем наиболее острые проблемы, остается настолько серьезной, что одних усилий Комитета, равно как и общей операции помощи Красного Креста, недостаточно (...).

2. В Кашмире положение еще печальнее, однако оно затрагивает меньшее число людей. Оно возникло в результате вооруженных столкновений, тогда как в Индии и Пакистане оно стало следствием массовых и неорганизованных перемещений населения.

Если Комитет захочет предпринять, возможно, в сотрудничестве с Лигой¹, операцию по оказанию помощи, ему следовало бы сосредоточить свои усилия прежде всего на Кашмире; выступая с обращением, мы могли бы в то же время указать, в каких именно видах помощи Индия и Пакистан нуждаются больше всего (...)»².

Хотя д-р Венгер отправился с миссией по сбору информации, рассчитанной на два месяца, в конечном итоге он вернулся в Швейцарию через полгода, то есть в конце июня 1948 г.

Продолжение деятельности

По возвращении в Женеву д-р Венгер рекомендовал продолжить деятельность МККК в Кашмире, начало которой он положил и которая непосредственно входила в компетенцию МККК как «нейтрального посредника, чье вмешательство признается особенно необходимым именно в случае войны, гражданской войны и внутренних беспорядков»³. Он вернулся на субконтинент 17 ноября 1948 г., через месяц прибыл д-р Ролан Марти, а в начале января 1949 г. — Николас Буркхардт. Прежде чем завершить свою миссию, д-р Венгер представил их обоим в различных органах власти.

Д-р Марти — глава миссии, назначенный в Нью-Дели и отвечавший за деятельность МККК в Индии и Джамму и Кашмире, и господин Буркхардт — делегат, назначенный в Лахор и отвечавший за деятельность МККК в Пакистане и на территории «Азад Кашмира», работали в регионе, соответственно, до июня и до октября 1949 г.

¹ В настоящее время — Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

² Заключительный отчет д-ра Венгера от 5 августа 1948 г. (Архивы МККК, дело G 3/37с).

³ Согласно статье VII, часть 2, действовавшего тогда Устава Международного Красного Креста 1928 г.

Защита госпиталей

В октябре 1948 г., когда делегатов МККК в Индостане уже не было, в адрес Комитета поступили резкие заявления протеста от Пакистанского Красного Креста в связи с тем, что индийская авиация подвергла бомбардировке два госпиталя, развернутых этим национальным обществом, — один в Котли, а другой — в Багхе, на территории «Азад Кашмира», причем оба госпиталя были должным образом помечены знаком красного креста. Бомбардировка повлекла за собой гибель пациентов и серьезный материальный ущерб. Следуя своей политике в отношении передачи заявлений о нарушениях Женевских конвенций¹, МККК передал эти протесты в Индийский Красный Крест, с тем чтобы Национальное общество обратилось к своему правительству с просьбой провести расследование по этим заявлениям и, в случае необходимости, принять все надлежащие меры для предотвращения подобных инцидентов в будущем². Индийское правительство сообщило, что это ни в коем случае не могли быть преднамеренные нападения, сознательно осуществленные его летчиками, предполагая, что госпитали были недостаточно четко отмечены защитным знаком или неправильно размещены³.

Этот вопрос д-р Венгер по возвращении в Индию и Пакистан обсудил с компетентными властями и национальными обществами в числе первых. Его усилия, а затем и усилия его коллег позволили устранить затруднения, в частности улучшить обозначение госпиталей защитной эмблемой красного креста⁴.

Военнопленные

Сразу по прибытии на место делегаты МККК начали регулярно посещать основные места интернирования.

С индийской стороны это был прежде всего расположенный на территории Индии лагерь Йол, в котором во время первого посещения, осуществленного 17–18 января 1949 г., находилось 75 военнопленных, принадлежавших к пакистанской армии и к вооруженным силам «Азад Кашмира», а также несколько гражданских лиц⁵. Кроме того, делегаты посетили также место под названием

¹ Эта политика незадолго до описываемых событий была подтверждена 22-й резолюцией XVII Международной конференции Красного Креста (Стокгольм, 1948 г.):

«XVII Международная конференция Красного Креста считает, что Международный Комитет Красного Креста должен и впредь осуществлять передачу получаемых им заявлений относительно якобы имевших место нарушений Конвенций; подчеркивает, что Национальные общества обязаны передавать эти протесты своим Правительствам;

рекомендует Национальным обществам делать все возможное для того, чтобы их Правительства проводили серьезные расследования и незамедлительно направляли результаты этих расследований в Международный Комитет Красного Креста». RICR, n° 359, novembre 1948, p. 763.

² Телеграммы МККК от 22 и 28 октября и от 2 ноября 1948 г. в Индийский Красный Крест (Архивы МККК, дело G 85).

³ Письмо от 9 ноября 1948 г. из Индийского Красного Креста в МККК и приложение к нему (Архивы МККК, дело G 85).

⁴ Телеграмма от д-ра Венгера в МККК от 4 декабря 1948 г. и письмо д-ра Марти № 1 от 23 декабря 1948 г. (Архивы МККК, дела G 3/37с и G 3/37).

⁵ Отчет о посещении лагеря военнопленных в Йоле, состоявшемся 17–18 января 1949 г. (Архивы МККК, Service des Camps, RR1407).

«POW Sage» и центральную тюрьму. Оба эти учреждения находились в Джамму, в них содержалось примерно 30 и 20 военнопленных, соответственно. С января до конца августа 1949 г. всего было осуществлено десять посещений этих трех мест содержания, к которым следует добавить также посещения военного госпиталя в Сринагаре и общего госпиталя № 26 в Нью-Дели, где находились на излечении раненые и больные пленные.

Что касается Пакистана и «Азад Кашмира», то с их стороны около 630 пленных содержались в лагере «Neutral Internment Camp» в форте Атток на территории Пакистана. Это были прежде всего комбатанты из числа вооруженных сил княжества Джамму и Кашмир, а также небольшое количество военнослужащих индийской армии и несколько гражданских лиц. Ранее эти пленные были интернированы в Музаффарабаде, Паландри, Алибеге, Скарду и Гилгите. В октябре—ноябре 1948 г. по просьбе властей «Азад Кашмира» их собрали в форте Атток, где условия содержания отвечали требованиям Женевской конвенции. Часть этих заключенных д-р Венгер уже видел во время своей первой миссии весной 1948 г.¹ С декабря 1948 г. по август 1949 г. делегаты МККК посетили лагерь форта Атток шесть раз.

Кроме того, делегаты МККК в апреле выезжали в Чилас в районе Гилгита, затем в мае — в Скарду в Балтистане, где посетили, соответственно, 54 и 4 индийских военнопленных.

Чтобы преодолеть расстояние, разделяющее Гилгит и Чилас, Николас Буркхардт — а он считал необходимым отправиться туда, поскольку складывалось впечатление, что власти в Равалпинди недостаточно осведомлены о положении пленных — без колебаний отправился в путь верхом. Дорога заняла у него десять дней. Приведем несколько отрывков из рассказа Буркхардта об этом путешествии, показывающих, в каких условиях проходили иногда поездки делегатов:

«Погодные условия влияют здесь даже на верховые поездки (...). Через час после начала дождя камни и лавины песка начинают сходить со склонов, уничтожая участки дороги, наиболее открытые их воздействию. (...) Даже воздушные вихри могут вызывать камнепады в наиболее опасных местах. От них можно прятаться время от времени за большими скалами, а в промежутках надо скакать во весь опор. Для всадника это может быть довольно увлекательно, поскольку он передвигается достаточно быстро, однако тяжело нагруженные мулы, везущие ваш багаж, подвергаются большей опасности»².

На основании этих посещений военнопленных составлялись доклады о различных аспектах условий содержания, регулярно передававшиеся правительствам Индии и Пакистана. При каждом посещении делегаты доставляли пленным грузы гуманитарной помощи от индийского и пакистанского обществ Красного

¹ Отчет о посещении «Neutral Internment Camp» в форте Атток (Пакистан), состоявшемся 3 декабря 1948 г. (Архивы МККК, Service des Camps, RR1407).

² Докладная записка Н. Буркхардта № 1032 от 22 апреля 1949 г. (Архивы МККК, дело G 17/167/66).

Креста, узнавали пожелания пленных. Делегаты отмечали постепенное улучшение условий содержания, которые они вскоре сочли удовлетворительными¹.

Начиная с первых посещений делегаты требовали репатриировать тяжело раненых и серьезно больных в соответствии со статьей 68 Женевской конвенции 1929 г. об обращении с военнопленными, и это их требование было удовлетворено: с февраля по июнь 1949 г. проведено четыре операции по возвращению таких лиц на родину, всего репатриировано около 40 раненых и больных с каждой стороны. Делегаты присутствовали при первой операции, следующие проводились уже без них, однако им регулярно предоставлялась соответствующая информация².

Делегаты рекомендовали также репатриировать гражданских лиц, интернированных в лагерях военнопленных. Было проведено несколько таких операций на индивидуальной основе, иногда в присутствии делегатов, иногда без них.

Вопрос об общей репатриации военнопленных рассматривался непосредственно на проводившихся под эгидой ЮНСИП переговорах между правительствами Индии и Пакистана. Кроме того, статья 75 Женевской конвенции 1929 г. об обращении с военнопленными гласит: «Когда воюющие стороны заключают договор о перемирии, в принципе в него должны быть включены положения о репатриации военнопленных (...)». Однако, действуя в духе проекта новой Женевской конвенции об обращении с военнопленными, согласно которой военнопленные «освобождаются и репатрируются тотчас же по прекращении военных действий»³, и пользуясь прекращением огня, вступившим в силу 1 января 1949 г., делегаты предложили оказать добрые услуги в надежде ускорить заключение соглашения по данному вопросу.

Индия выступала за немедленную репатриацию всех военнопленных с обеих сторон. Пакистан заявил о своей готовности провести немедленный обмен, но по принципу «одного на одного», в таком случае в руках пакистанской стороны осталось бы около 500 пленных. Пакистан также согласился бы вернуть всех пленных до заключения перемирия, но при условии, что индийское правительство освободит всех комбатантов-пуштунов, всех лиц из состава вооруженных сил «Азад Кашмира» и всех политических заключенных, содержащихся в тюрьмах Джамму и Кашмира и Индии. Пакистан и «Азад Кашмир» считали, что не все комбатанты, взятые в плен, находились в лагерях военнопленных. Индия же утверждала, что она выявила всех пленных военнослужащих и отказывалась проводить обмен по принципу «одного на одного»⁴.

Чтобы найти выход из этого тупика, делегаты МККК обратились к Индии и к княжеству Джамму и Кашмир с просьбой разыскать как можно больше пуштунских и кашмирских военнопленных, воевавших на стороне «Азад Кашмира»; они даже сами приняли активное участие в этих поисках, выезжая в тюрь-

¹ Краткий отчет д-ра Марти о его миссии в Индии, приложение к отчету Комиссии делегатов от 27 июля 1949 г. (Архивы МККК).

² Докладная записка Н. Буркхардта № 1018 от 8 марта 1949 г. и письма д-ра Марти от 18 марта, 11 апреля и 26 июня 1949 г. (Архивы МККК, дела G 3/37e и G 17/66/66).

³ Статья 118 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными.

⁴ Докладная записка Н. Буркхардта № 1039 от 4 мая 1949 г. (Архивы МККК, дело G 17/66/66).

мы. Они постарались также убедить Пакистан не обусловливать репатриацию военнопленных репатриацией политических заключенных¹. Индийская армия обнаружила около 50 ранее не выявленных заключенных, однако этого оказалось недостаточно, чтобы решить проблему, и общей репатриации до отъезда делегатов организовано не было.

Покидая Индостан в конце лета 1949 г., делегаты подвели итоги: как в Индии, так и в Пакистане все военнопленные — кроме тех, которые содержались в Гилгите, — были собраны в один лагерь — Йол и форт Атток, соответственно, что облегчало контроль за условиями их содержания, которые, учитывая местные условия, были высокого уровня. Всех пленных регулярно посещали офицеры их страны, которым разрешалось доставлять им грузы помощи². Осуществлялась репатриация по состоянию здоровья на основании собственного предложения удерживавших в плену держав, которые весьма широко истолковывали применяемые критерии³. Нерешенным оставался лишь вопрос общей репатриации.

Она состоялась, наконец, 25 мая 1950 г. в Атари, находящемся между Лакхором и Амритсаром. Был осуществлен обмен 691 индийского военнопленного на 153 пакистанских по договоренности, достигнутой премьер-министрами Индии и Пакистана Джавахарлалом Неру и Лиакатом Али Ханом⁴ во время переговоров, предшествовавших заключению Соглашения о защите прав меньшинств⁵ (*Minority Agreement*).

Политические заключенные

По просьбе властей княжества Джамму и Кашмир и «Азад Кашмира», которые представили списки своих приверженцев, находящихся во власти противной стороны, делегатам МККК⁶, последние попытались содействовать обмену ряда политических заключенных. Несколько десятков человек было репатрировано в присутствии делегатов МККК в ходе двух операций, проведенных в Сиялкоте, пограничном городе недалеко от Джамму, 15 января и 25 февраля 1949 г.

Затем «Азад Кашмир» представил новые списки, в которых значились десятки лиц. Власти «Азад Кашмира» считали их политическими заключенными, удерживаемыми в Джамму и Кашмире, и требовали их возвращения. Княжество Джамму и Кашмир ответило категорическим отказом, утверждая, что в его тюрьмах больше нет политических заключенных, а остаются только ожида-

¹ Письмо д-ра Марти от 17 мая 1949 г. (Архивы МККК, дело G 17/66/66).

² Статья 86 Женевской конвенции 1929 г. об обращении с военнопленными предусматривала такую возможность в своем последнем абзаце, согласно которому «воюющие могут договариваться о том, чтобы лицам, являющимся гражданами той же страны, что и пленные, разрешалось участвовать в инспекторских поездках». Однако проведение посещений данного вида было исключительным фактом.

³ Докладная записка Н. Буркхардта № 1092 от 4 сентября 1949 г. (Архивы МККК, дело G 3/37e).

⁴ Доклад д-ра Марти № 1 от 25 мая 1950 г. (Архивы МККК, дело G 3/37f).

⁵ Подробнее об этом Соглашении, подписанном 8 апреля 1950 г. в Нью-Дели после беспорядков, имевших место в Бенгалии, см. RICR, n° 378, juin 1950. На с. 454–460 указанного номера журнала приводится текст Соглашения.

⁶ Письмо д-ра Марти № 9 от 2 января 1949 г. (Архивы МККК, дело G 17/66/66).

ющие суда уголовные преступники, которые, по его мнению, политическими заключенными считаться не могут. Кроме того, княжество Джамму и Кашмир обвинило «Азад Кашмир» в том, что тот держит под стражей большое число политических заключенных. «Азад Кашмир» это обвинение отрицал.

Ознакомившись с ситуацией, делегаты сочли, что они не могут ничего сделать для решения вопроса, поскольку отсутствовала договорная основа. Кроме того, данный вопрос рассматривался также на переговорах, проводившихся под эгидой ЮНСИП¹.

Похищенные женщины и дети

21 января 1949 г. в Сиялоте под контролем делегатов были возвращены в Индию 140 женщин и детей из лагеря Датхиял в Пакистане; в противоположном направлении в Пакистан были вывезены 256 женщин и детей из расположенного в Джамму лагеря Устад-ка-Мохалла, одновременно с ними возвратились 167 мусульманских беженцев также из Джамму².

Однако Пакистан упрекал власти Джамму и Кашмира в том, что они удерживают женщин и детей в Джамму. Джамму и Кашмир, в свою очередь, обвиняли «Азад Кашмир» в пассивности при проведении розыска на своей территории. Кроме того, тревожные слухи ходили об условиях содержания в лагерях Амритсара, с одной стороны, и Лахора — с другой, куда Индия и Пакистан, соответственно, направляли женщин и детей, ожидавших там, когда будут обнаружены их родственники³.

По просьбе индийских властей, которые желали получить помощь МККК в ускорении решения этих различных вопросов, и с согласия властей Пакистана делегаты посетили в апреле и мае следующие лагеря: Амритсар (60 женщин и детей в первый раз, 151 — во второй), Лахор (60 женщин и детей, а также 124 беженца немусульманского вероисповедания, которые были эвакуированы из лагерей Алибег и Паландри и выразили желание быть перемещенными на территорию, контролируруемую Индией), и Джамму (180 женщин и детей).

Делегаты получили и передали Пакистану полный список женщин и детей, находившихся в лагере Джамму. Как заверили делегатов, эти лица будут переданы Пакистану, когда удастся отыскать их родственников.

Делегаты принимали также меры к тому, чтобы поиски женщин и детей, похищенных в «Азад Кашмире», велись активно и чтобы тех похищенных, которых уже обнаружили и поместили в лагерь, как можно скорее репатриировали⁴. Но никаких новых операций до их отъезда проведено не было. Однако в конце 1949 г. МККК получил сообщение о том, что 124 беженца-немусульманина, находившихся в Лахоре, попали наконец в Индию⁵.

¹ Письмо д-ра Марти от 17 мая 1949 г. и доклад Н. Буркхардта о положении в Индии и Пакистане от 10 ноября 1949 г. (Архивы МККК, дела G 17/66/66 и G 3/37e).

² Служебная записка Н. Буркхардта № 28 от 3 февраля 1949 г. (Архивы МККК, дело G 3/37e).

³ Письма д-ра Марти от 17 и 18 мая 1949 г. (Архивы МККК, дело G 17/66/66).

⁴ Письма д-ра Марти от 18 и 26 мая 1949 г. (Архивы МККК, дело G 17/66/66).

⁵ Письмо г-на В. Сахаи, индийского секретаря по делам Кашмира от 23 декабря 1949 г. (Архивы МККК, дело G 81/Ev).

Беженцы и уязвимые категории населения

Как уже говорилось, вооруженные столкновения в Кашмире вызвали новые потоки беженцев, исчислявшихся сотнями тысяч. К концу 1948 г. их было уже 2 миллиона. На основании данных, представленных д-ром Венгером по окончании его первой миссии, МККК и Лига обществ Красного Креста выступили 30 октября 1948 г. с совместным обращением ко всем национальным обществам с призывом оказать помощь беженцам в Индии и Пакистане, прежде всего в Кашмире¹.

Несколько обществ направили гуманитарную помощь непосредственно в Индийское и Пакистанское общества Красного Креста, однако этого оказалось явно недостаточно ввиду того, что потребности были велики.

Не имея возможности развернуть операцию по оказанию материальной помощи беженцам, делегаты первое время уделяли основное внимание наиболее уязвимым группам, которым, как им представлялось, они могли принести пользу, выступая в роли нейтральных посредников.

В середине февраля 1949 г. Н. Буркхардт посетил лагерь Алибег в «Азад Кашмире», управление которым незадолго до этого взяли в свои руки пакистанские власти. В лагере тогда содержались 1200 беженцев-немусульман². Через месяц делегат побывал в тхесиле³ Котли округа Мирпур. Осенью 1948 г. 50 тысяч человек бежали от наступавших индийских войск, они дошли до горного хребта высотой более 2 тысяч метров, который отделял их от Пакистана, и были вынуждены остановиться, поскольку единственный путь, по которому можно было продвигаться, оказался отрезан индийской армией. Грузы в этот регион можно было доставлять только с помощью носильщиков или на вьючных животных через покрытый снегом перевал. Для оказания помощи населению пакистанская армия сбрасывала все необходимое на парашютах. Вот как описывает делегат сложившуюся там обстановку:

«Эти тропы (...) соединяют небольшие террасы на склонах гор (...). Местность похожа на сказочный сад. Но, приблизившись к жилищам, видишь толпу одетых в лохмотья истощенных беженцев, зачастую впавших в глубокую апатию. Подъезжая к какому-либо из немногочисленных крупных населенных пунктов, население которых до конфликта исчислялось тысячами, (...) замечаешь, что они превратились в развалины. Грабежи и бомбардировки с воздуха оставили свои следы повсюду (...)».

И далее:

«В разных деревнях тхесилия мы имели возможность встретиться с представителями военных и гражданских властей. Мы видели многочисленных беженцев, которые шли в долину за пайками, такой переход под силу только

¹ Совместное циркулярное письмо Лиги обществ Красного Креста и МККК национальным обществам Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Льва и Солнца от 30 октября 1948 г. (Архивы МККК, дело SG 7/66).

² Служебная записка Н. Буркхардта № 1014 от 23 февраля 1949 г. (Архивы МККК, дело G 3/37e).

³ Тхесили — административные единицы, из которых состоит округа.

очень сильным мужчинам, мы видели в деревнях группы беженцев, которые надеялись получить пайки, видели больных и их родственников в медицинских амбулаториях (...). Мы имели возможность оценить, как жестоко голодают здесь люди. Это не идет ни в какое сравнение с состоянием беженцев, которых мы видели в лагерях Алибега (...). Многие дети опухли от голода (...). Необходимо, чтобы по единственной проезжей дороге, которая проходит через позиции индийских войск, (...) пропустили несколько автоколонн с продовольствием»¹.

Делегаты выступили в роли посредников между индийскими и пакистанскими властями, стремясь добиться договоренности об открытии этой дороги для автоколонн с продовольствием. Вопрос в конечном итоге решился через несколько недель благодаря тому, что Пакистан построил другую дорогу, по которой можно было попасть в Котли, минуя расположение индийских войск.

В мае 1949 г. д-р Марти вылетел на военном самолете из Равалпинди в Скарду, небольшой балтистанский городок на Инде между величественными хребтами Каракорума и горным массивом Деосаи (Гималаи). Этот регион в начале 1948 г. стал ареной кровавых событий, когда индийский гарнизон Скарду потерпел поражение от войск «Азад Кашмира» и Пакистана. Военнопленных отправили в Гилгит и в Чилас, тогда как около 180 гражданских лиц немусульманского вероисповедания были интернированы в Скарду, где зимой 1948/49 гг., отрезанные от внешнего мира, они, как и гарнизон, и гражданское население, питались теми продуктами, которые сбрасывала на парашютах пакистанская авиация.

Эти интернированные разделялись на две группы. Первая состояла из 90 сикхских женщин и детей, чьи мужья и отцы погибли в боях, вторая — из 90 индусов — мужчин, женщин и детей. Первая группа вызвала у д-ра Марти, по его собственным словам, особенно острую жалость:

«Конечно, их физическое выживание обеспечено, но эти вдовы и сироты оставлены здесь на произвол судьбы. Женщины и дети в землисто-серой одежде молча сидели передо мной, прижимаясь друг к другу, словно стадо овец. Женщины тихо плакали. За этой картиной угадывалось неизмеримое страдание (...). Армия планирует репатриировать их по дороге из Скарду в Каргил (...), находящийся выше по течению Инда и удерживаемый индийской стороной. Однако мы убеждены, что эта дорога или, вернее, тропа, идущая по склонам скал, слишком опасна для женщин и детей и их следовало бы эвакуировать самолетом в Равалпинди или Пешавар»².

Делегаты постарались добиться, чтобы эти две группы, список которых им передали, были репатриированы в Индию или, по крайней мере, вывезены

¹ Служебная записка Н. Буркхардта № 1023 от 18 марта 1949 г. и приложение к ней (Архивы МККК, дело G 3/37e).

² Письмо д-ра Марти от 28 мая 1949 г. (Архивы МККК, дело G 3/37d).

в Пакистан до наступления зимы. Эта эвакуация, о которой МККК поставили в известность, состоялась после отъезда его делегатов, в конце 1949 г.¹

Но МККК, будучи нейтральной организацией, представленной на месте событий, считал своим долгом в полной мере и во всех подробностях выяснить, в чем нуждаются кашмирские беженцы, чтобы привлечь внимание мира на их бедственное положение и суметь как можно лучше информировать тех, кто пожелает предоставить средства для оказания им помощи. Поэтому Комитет поручил своим делегатам провести глубокое и всестороннее изучение проблемы².

Д-р Марти и Н. Буркхардт посвятили исследованию июнь 1949 г. Совместно работая над этой задачей, они объездили почти все регионы, где находились беженцы и перемещенные лица, встречались с представителями компетентных органов власти всех уровней и неустанно посещали все лагеря, округа и тхесили³.

По результатам исследования был составлен доклад на 90 страниц⁴. Иллюстрированный фотографиями и географическими картами, он подробнейшим образом рассказывал о положении беженцев. Из доклада следует, что после соглашения о прекращении огня, вступившего в силу 1 января 1949 г., многие сотни тысяч беженцев вернулись в свои жилища, к привычным занятиям, но около миллиона все еще остаются бездомными и живут либо в лагерях, либо у друзей, либо небольшими общинами, которые правительства могут обеспечить продовольствием лишь ценой немалых усилий. Перемещенные лица, вернувшиеся в родные места, нередко оказываются в такой же трудной ситуации, как и беженцы, поскольку дома их разрушены, а поля опустошены.

После описания географических особенностей Кашмира, путей сообщения и проблем в отношении питания, одежды, санитарии и гигиены, медицинского обслуживания, вызванных войной, в документе характеризовались различные категории беженцев и их потребности отдельно по каждому региону. В нем указывалось, что в целом наиболее печальным было положение лиц, находившихся вне лагерей, — контроль над ними обеспечивался пакистанскими и индийскими властями — и что эти лица отчаянно нуждались в помощи. Доклад определял очередность оказания помощи различным группам населения и содержал список необходимых вещей и предметов.

МККК передал этот доклад правительствам и обществам Красного Креста Индии и Пакистана. Он передал его также в секретариат ЮНСИП в Же-

¹ Письмо генерала Грейси, главнокомандующего пакистанской армии, д-ру Марти от 26 октября 1949 г. и письмо г-на В. Сахаи, индийского секретаря по делам Кашмира, Н. Буркхардту от 23 декабря 1949 г. (Архивы МККК, дела G 3/37d и G 81/Ev).

² Служебная записка № 81 от 17 мая 1947 г. в делегацию МККК в Нью-Дели (Архивы МККК, дело G 17/66/66).

³ Письма д-ра Марти от 11 и 26 июня 1949 г. (Архивы МККК, дела G 17/167 и G 17/66).

⁴ Доклад о беженцах в Кашмире, 1949 г., написанный д-ром Марти (Архивы МККК, дело G 68/167).

неве и генеральному секретарю ООН в Лейк-Саксессе¹. Наконец отрывок из него был опубликован в «Международном журнале Красного Креста» в январе 1950 г.² МККК надеялся тем самым убедить международное сообщество и, в частности, ООН принять меры по облегчению участи этих беженцев, подобно тому как оказывали помощь палестинским беженцам в конце 1948 г.³ Но этим надеждам оказалось не суждено сбыться: никаких международных операций помощи под эгидой ООН проведено не было.

Со своей стороны МККК решил направить через соответствующие национальные общества грузы медицинской помощи индийским и пакистанским властям, которым подчинялась медицинская служба лагерей. Стоимость этой помощи (хирургические материалы, рентгеновские аппараты, оборудование для медицинских лабораторий), предоставленной в 1950 г., составила 90 тысяч швейцарских франков⁴.

МККК и события в Хайдарабаде

17 сентября 1948 г., после того как индийские вооруженные силы вошли в Хайдарабад, МККК обратился к правительствам Индии и Хайдарабада с предложением своих услуг «во всех случаях, которые требуют участия нейтрального посредника, действующего на основании положений Конвенций Красного Креста». Конкретно он предложил организовать обмен списками захваченных военнослужащих, посещение делегатами МККК мест содержания под стражей и обмен новостями⁵. МККК рассмотрел также вопрос о направлении делегата на место событий⁶, но 19 сентября Индия отказалась от его услуг, обосновав свое решение тем, что военные действия прекратились⁷.

В конце октября Красный Крест Пакистана призвал МККК принять меры по оказанию помощи разакарам⁸ — добровольцам, воевавшим на стороне регулярных вооруженных сил Хайдарабада. В то время как личный состав последних был разоружен и освобожден, тысячи разакаров, которым Индия от-

¹ См. по данному вопросу обмен корреспонденцией в ноябре 1949 г. между МККК и г-ном Кольбаном, главным секретарем ЮНСИП в Женеве, а также письмо от 14 ноября 1949 г. Президента МККК генеральному секретарю ООН в Лейк-Саксессе (Архивы МККК, дело 85). Следует отметить, что как д-р Марти, так и д-р Венгер уже имели возможность сообщить о положении беженцев, оцениваемом с гуманитарной точки зрения, в ЮНСИП в Нью-Дели.

² «Activité du Comité international en Inde et au Pakistan, Les réfugiés du Cachemire». — RICR, n° 373, janvier 1950, pp. 20–25.

³ Служебная записка № 81 от 17 мая 1949 г. МККК в делегацию в Нью-Дели (Архивы МККК, дело G 17/66/66). По вопросу о помощи палестинским беженцам и о соглашении, заключенном между ООН и МККК по данной проблеме, см. «Le Comité international de la Croix-Rouge en Palestine». — RICR, n° 361, janvier 1949, pp. 1–9.

⁴ Rapport résumé sur l'activité du CICR (1er juillet 1947–31 décembre 1951), 1952, p. 63.

⁵ Телеграммы от 17 сентября 1948 г. Президента МККК премьер-министрам Индии и Хайдарабада (Архивы МККК, дело G 85). «Les événements de Hyderabad: un appel du Comité international de la Croix-Rouge aux parties en cause», RICR, n° 357, septembre 1948, pp. 654–655.

⁶ Протокол заседания бюро МККК от 15 сентября 1948 г. (Архивы МККК).

⁷ Радиogramма Министерства иностранных дел Индии Президенту МККК от 19 сентября 1948 г. (Архивы МККК, дело G 85).

⁸ Письмо Красного Креста Пакистана в МККК от 29 октября 1948 г. (Архивы МККК, дело G 17/166).

казывала в статусе военнопленных, оставались под стражей. С этим вопросом к МККК обратился также бывший министр иностранных дел и представитель Хайдарабада в ООН. Получив необходимую информацию, д-р Марти немедленно начал переговоры с индийскими властями в Нью-Дели, стремясь добиться, чтобы с этими бывшими воинами обращались как с военнопленными и чтобы МККК было дано разрешение их посещать.

Ответом на весьма многочисленные обращения Комитета¹ на протяжении целого ряда месяцев — Президент МККК даже несколько раз лично обращался к пандиту Неру (в частности, во время визита Неру в Швейцарию в мае 1949 г.), впоследствии изложив свою позицию в письменной форме², — был решительный отказ³. В самом деле, поскольку конфликт закончился, Индия видела в разакарах просто лиц, содержащихся под стражей в ожидании суда за преступления, наказуемые обычным уголовным правом, которые эти лица совершили до вступления индийских войск в Хайдарабад. Следовательно, их нельзя было рассматривать как военнопленных.

По мнению же МККК, разакаров можно было считать комбатантами регулярных войск — либо ополченцами, либо представителями населения страны, которое добровольно берется за оружие при приближении неприятеля, не имея времени организовать себя. Юридическая комиссия МККК утверждала, что индийские войска захватили разакаров именно в качестве комбатантов, а затем передали их гражданским властям. Следовательно, они имели право пользоваться таким же обращением, что и военнопленные, и даже при возбуждении против них судебных дел по правонарушениям, совершенным ими до вмешательства индийских вооруженных сил, этот статус должен был быть сохранен за ними до вынесения приговора⁴.

Вопрос о разакарах возник именно в то время, когда проект новых Женевских конвенций, составленный МККК, был передан на рассмотрение Дипломатической конференции, созванной для их принятия в 1949 г.⁵ В проекте нового текста Женевской конвенции об обращении с военнопленными четко указывалось, что четыре условия, на которых предоставляется статус военнопленных личному составу ополчений и добровольческих отрядов, применяются к ним и в том случае, если они не входят в состав регулярных вооруженных сил⁶.

¹ Служебная записка Э. де Бондели от 22 ноября 1949 г. о проблеме хайдарабадских разакаров (Архивы МККК, G 17/166).

² Телеграмма Президента МККК Пауля Рюгтера премьер-министру Индии пандиту Джавахарлалу Неру от 29 июля 1949 г. (Архивы МККК, дело G 85).

³ Ответное письмо премьер-министра Индии Президенту МККК от 30 июля 1949 г. (Архивы МККК, дело G 17/166).

⁴ Служебная записка из Юридической комиссии в МККК от 3 февраля 1950 г. (Архивы МККК, дело G 17/166).

⁵ Дипломатическая конференция, созванная Швейцарией в Женеве и проходившая с 21 апреля по 12 августа 1949 г.

⁶ Укажем четыре условия, которые были впоследствии изложены в статье 4, пункт 2, Женевской конвенции III об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.:

«...ополчения и добровольческие отряды...

a) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;

b) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак;

c) открыто носят оружие;

d) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны».

В проекте также говорилось, что военнопленные, которых преследуют за действия, совершенные ими до взятия в плен, пользуются покровительством Конвенции даже в случае их осуждения¹.

Во время переговоров с Президентом МККК пандит Неру все же заверил его в том, что Индия проявит великодушие и что после рассмотрения дел разакары, которые преследуются за незначительные преступления, будут отпущены.

И в самом деле, в ответ на последний демарш МККК², имевший целью выяснить судьбу разакаров, было сообщено, что из приблизительно 17 тысяч арестованных лиц 128 продолжали содержаться под стражей, причем дела 71 из них передали в суд, а по делам 57 велось следствие³.

Заключение

В октябре 1949 г. МККК решил вывести свою миссию из Индии и Пакистана. Этот шаг был сделан по инициативе делегатов. Они сочли, что остающиеся неразрешенными гуманитарные проблемы уже не требовали постоянного присутствия МККК, если только не будет развернута крупномасштабная операция по оказанию помощи беженцам, которую своими силами МККК провести не мог⁴.

Когда д-р Венгер прибыл на место событий, кашмирский конфликт был в самом разгаре, однако после прекращения огня и начала политических переговоров, проходивших под эгидой ООН, обстановка существенно изменилась. Военные действия прекратились, Индия и Пакистан вступили в прямые отношения, что позволяло им решать представлявшие взаимный интерес вопросы на двусторонней основе. Деятельность нейтрального посредника уже не представлялась необходимой, но делегаты продолжали выступать как посредники между различными сторонами, надеясь ускорить решение некоторых гуманитарных проблем. Однако они констатировали, что эти вопросы — общая репатриация военнопленных, обмен политическими заключенными, репатриация похищенных женщин и детей, перемещение групп гражданских лиц — постепенно образовали единый комплекс проблем, которые становилось все труднее отделить друг от друга и решение которых, по всей видимости, зависело от исхода политических переговоров⁵.

Что же касается хайдарабдских разакаров, то, как уже говорилось, МККК ничего не смог для них сделать.

¹ Вот эта статья проекта, ставшая впоследствии статьей 85 Женевской конвенции III от 1949 г.: «Военнопленные, подвергающиеся преследованию в силу законодательства держащей в плену Державы за действия, совершенные ими до взятия в плен, пользуются покровительством настоящей Конвенции даже в случае их осуждения».

² Письмо Н. Буркхардта г-ну Веллоди, губернатору Хайдарабда, от 23 марта г. (Архивы МККК, дело G 17/166).

³ Письмо Министерства иностранных дел Индии от 24 апреля 1950 г. (Архивы МККК, дело G 17/166).

⁴ В июне 1950 г. МККК все же осуществил акцию помощи бенгальским беженцам по просьбе индийского и пакистанского правительств, которые участвовали в ее финансировании.

⁵ Письма д-ра Марти от 17 и 26 мая, от 3 и 19 июня 1949 г. (Архивы МККК, дела G 17/66/66, G 3/37d, G 81/Ев., G 17/66/167) и письма Н. Буркхардта от 1 и 16 августа 1949 г. (Архивы МККК, дело G 3/37e).

Как же в данном случае следует оценивать итоги деятельности МККК в Индостане?

В то время миссия д-ра Венгера воспринималась как благотворная и Индией, и Пакистаном¹, которые желали, чтобы она была продолжена. Выступая в роли нейтрального посредника, этот делегат сумел установить доверительные отношения на самом высоком уровне со всеми сторонами в кашмирском конфликте. Он добился применения основных положений Женевских конвенций, касающихся обращения с ранеными и больными военнослужащими, защиты больниц и обращения с военнопленными. Он также содействовал заключению соглашений по защите гражданских лиц, принадлежащих к религиозным меньшинствам, оказанию им помощи и их переселению, а также по поиску и репатриации похищенных женщин и детей, несмотря на отсутствие договорных норм, касающихся таких лиц. Сменившие д-ра Венгера д-р Марти и Н. Буркхардт продолжили начатую деятельность: регулярно посещали военнопленных, чтобы удостовериться в том, как с ними обращаются, выезжали в места пребывания наиболее уязвимых категорий населения — интернированных представителей меньшинств, похищенных женщин и детей, беженцев, которые не имели возможности покинуть места, где они оказались, — и привлекали внимание властей к условиям существования этих людей. Наконец они составили доклад, в котором самым подробным и точным образом описали положение кашмирских беженцев. И хотя делегаты располагали скромными средствами, они сделали все возможное, чтобы улучшить участь беженцев.

Однако может возникнуть вопрос, почему МККК не вмешался раньше, когда регион был охвачен беспорядками, и не привлек больше средств?

Это время было трудным для Комитета: он подвергался критике как внутри Движения Красного Креста, так и со стороны некоторых государств, упрекавших его в том, что он не сделал всего возможного для защиты евреев и советских военнопленных, ставших жертвами нацистского режима в годы Второй мировой войны. В опустошенной и разоренной Европе, которая тогда была занята прежде всего залечиванием собственных ран, МККК приходилось много сил уделять проблемам, связанным с последствиями войны, переживая при этом серьезнейшие финансовые затруднения. Они были настолько остры, что в начале 1946 г. Комитет рассматривал возможность срочного упразднения большей части своих служб и делегаций. В конечном счете этого удалось избежать благодаря предоставлению ссуды швейцарским правительством, однако финансовое положение МККК оставалось в высшей степени зыбким до конца 1949 г., в результате чего произошло массовое сокращение штатов. В этих условиях МККК весьма сдержанно относился к мысли о проведении новых операций без гарантии получения необходимых средств².

¹ Радиограмма леди Маунтбеттен от 6 марта 1948, каблограммa Красного Креста Пакистана от 12 мая 1948 г. и письмо г-на Э. де Аллера, делегата Швейцарского Федерального Совета по делам международной взаимопомощи (Архивы МККК, дело G 3/37с).

² Отметим, что общества Красного Креста Индии и Пакистана приняли участие в финансировании операции МККК.

В те годы МККК также постепенно прекращал участие в операциях по оказанию помощи гражданскому населению, кроме тех случаев, когда только он мог предпринять соответствующие действия и когда он должен был выступить в роли нейтрального посредника. Этот подход был целесообразным по отношению к беженцам, на которых его мандат в строгом смысле не распространялся и, что особенно важно, для помощи которым у него не было своих специально предусмотренных средств¹.

Отметим также, что МККК, который, как уже упоминалось, закрыл в феврале 1947 г. свою делегацию в Британской Индии, вероятно, не отдавал себе отчета в том, какая трагедия разыграется на субконтиненте. Накануне провозглашения независимости он был озабочен прежде всего реорганизацией и формированием национальных обществ в Индии и Пакистане, а также необходимостью распространять знания о Красном Кресте, его принципах и идеалах в этой части мира². По всей видимости, он также недостаточно был осведомлен о происходивших там событиях. В дискуссиях, предшествовавших отправке д-ра Венгера в регион, ни разу не упоминался кашмирский конфликт. Речь шла только об массовом потоке беженцев, перед лицом которого МККК чувствовал себя застигнутым врасплох, отдавая себе отчет в том, что в связи с недостатком финансовых и других ресурсов его средства совершенно недостаточны для удовлетворения таких огромных потребностей в помощи.

Как сказал впоследствии один бывший сотрудник МККК, проведение операции в таких условиях было одновременно делом безумным и прекрасным.

¹ Действительно, в то время МККК не располагал ни средствами, специально предназначенными для этой цели, ни оборотными средствами, которые позволили бы ему срочно развернуть операцию по оказанию гуманитарной помощи. Скромный капитал, который он составил после Первой мировой войны, был почти полностью исчерпан накануне Второй мировой войны, когда его расходы покрывались за счет даров и вкладов правительств, национальных обществ Красного Креста и других учреждений, заинтересованных в его деятельности, а также сборов средств среди швейцарских граждан.

Следует также напомнить, что до конца Второй мировой войны вклады национальных обществ и правительств делались на добровольной основе, и, следовательно, их сумма не была четко определена. Лишь на XVII Международной конференции Красного Креста в 1948 г. была установлена шкала взносов национальных обществ МККК, которую эти общества были призваны соблюдать, а в 1949 г. Дипломатическая конференция по пересмотру Женевских конвенций признала необходимость обеспечения для МККК регулярной финансовой поддержки. На то, чтобы принятые резолюции получили конкретное выражение, также потребовалось время.

Наконец до конца Второй мировой войны деятельность МККК в области оказания помощи состояла прежде всего в том, чтобы запрашивать, доставлять и распространять гуманитарные грузы, доверенные ему жертвователями. Для МККК еще не стало обычной практикой проведение крупномасштабных операций помощи на собственные средства или на средства, полученные в ответ на выступления с обращениями о финансовой поддержке.

² Протоколы заседаний бюро от 10 июля и 7 августа 1947 г. (Архивы МККК).